

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.073-082

И. И. Аминов*

Развитие государственности в Центральной Азии в ахеменидский период (VI—IV вв. до н.э.)

Аннотация. В статье дается оценка прогрессивному значению вхождения Парфии, Маргианы, Хорезма и других областей Центральной Азии в состав Ахеменидского государства, политический режим которого не имел ярко выраженных черт оккупационного порядка, основанного на жестокой эксплуатации покоренных народов, а был достаточно гибким, приспособленным к особенностям каждой области. Объединению под властью ахеменидской династии центральноазиатских народов способствовало также их национальное, языковое и ментальное сходство, поскольку персы с одной стороны, саки, дахи, парфяне, каспии, хорезмийцы — с другой были в предыдущие эпохи родственными народами и проявляли, вероятнее всего, склонность к политической консолидации.

На этом основании делается вывод, что власть персидских царей среди народов Центральной Азии, несмотря на сепаратистские тенденции и ряд антиправительственных выступлений, была легитимной. Взаимовыгодное сотрудничество и прочные связи центра и провинций вели к стабильности, миру, созданию благоприятных условий для развития хозяйственных и торговых связей, налаживанию регулярного денежного обращения, уважению культурной, религиозной и языковой идентичности народов, соблюдению баланса интересов социальных общностей. Ахеменидское правление внесло в историю юридической мысли идею противоборства добра и зла, соразмерности личных и государственных интересов, приведения посредством кодификации законов покоренных народов, их правовых обычаев, религиозных норм в соответствие с общеимперским законодательством.

Данный историко-правовой опыт был не только творчески воспринят и применен геополитическими наследниками Ахеменидского государства — Александром Македонским, Селевкидами, Аршакидами и Сасанидами, но и в контексте современных национально-государственных интересов может быть актуален для Российской Федерации, Ирана, Казахстана, Узбекистана — лидеров современной интеграции, определяющей внешнеполитические курсы и геополитические ориентиры государств Центрально-Азиатского региона.

Ключевые слова: Ахеменидское государство; Бактрия; Парфия; Маргиана; Хорезм; Гиркания; Восточный Прикаспий; кочевые племена; государственное устройство; законотворчество; Центрально-Азиатский регион.

Для цитирования: Аминов И. И. Развитие государственности в Центральной Азии в ахеменидский период (VI—IV вв. до н.э.) // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 5. — С. 73—82. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.073-082.

© Аминов И. И., 2020

* Аминов Илья Исакович, кандидат психологических наук, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aminovii@mail.ru

Development of Statehood in Central Asia during the Achaemenid Period (6th — 4th centuries BC)

Ilya I. Aminov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aminovii@mail.ru

Abstract. The paper examines the progressive significance of the entry of Parthia, Margiana, Khorezm and other regions of Central Asia into the structure of the Achaemenid State, the political regime of which had no obvious features of the occupation order based on the brutal exploitation of the conquered peoples, but rather flexible and adapted to the specificities of each area. The unification of the Central Asian peoples under the authority of the Achaemenid dynasty was also facilitated by their national, linguistic and mental similarities, since the Persians, on the one hand, the Saks, the Dahs, the Parthian, the Caspian, Khorezmians — on the other, were in previous epochs related to peoples and, most likely showed a tendency to political consolidation.

On this basis it is concluded that the power of the Persian kings among the peoples of Central Asia, despite separatist tendencies and a number of anti-government speeches, was legitimate. Mutual cooperation and strong ties between the center and the provinces led to stability, peace, the creation of favorable conditions for the development of economic and trade relations, the establishment of regular monetary treatment, respect for the cultural, religious and linguistic identity of peoples and the balance of interests of social communities. The Achaemenid rule introduced in the history of legal thought the idea of fighting between the good and the evil, the proportionality of personal and State interests, the codification of the laws of the conquering peoples, their legal customs and religious norms in accordance with the general imperial law.

This historical and legal experience was not only creatively perceived and applied by geopolitical successors of the Achaemenid state — Alexander the Great, Seleucids, Arshakid and Sassanid, but also in the context of modern national and state interests may be relevant for the Russian Federation, Iran, Kazakhstan, Uzbekistan — leaders of the modern integration, defining the foreign policy and geopolitical orientations of the Central Asian region.

Keywords: Achaemenid State; Bactria; Parthia; Margiana; Khorezm; Girkania; Eastern Caspian region; nomadic tribes; state structure; lawmaking; Central Asian region.

Cite as: Aminov II. Razvitie gosudarstvennosti v Tsentralnoy Azii v akhemenidskiy period (VI—IV vv. do n.e.) [Development of Statehood in Central Asia during the Achaemenid Period (6th — 4th centuries BC)]. *Lex russica*. 2020;73(5):73—82. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.073-082. (In Russ., abstract in Eng.).

Известно, что древнюю историю начиная с определенного рубежа удобно периодизировать в соответствии с политической историей крупнейших государств. Для регионов Центральной Азии такими государствами были: древнеперсидское Ахеменидское государство, Греко-Бактрия, Селевкидское государство, Парфянская империя, Хорезм, Кушанская империя и, наконец, среднеперсидское государство Сасанидов. В состав государства Ахеменидов, основанного Киром II Великим — вождем персидских племен Мидийского государства, отдельные территории Центральной Азии входили более 200 лет. В 547 г. до н.э. Кир присоединил к своим владениям Лидию; в 539 г. до н.э. — Вавилон, далее перенес свои экспансионистские устремления в сторону Централь-

ной Азии¹. Вероятнее всего, между 550 и 547 гг. до н.э. под власть Кира попала Парфия, признававшая до этого мидийское владычество. Вместе с Бактрией власти Ахеменидов подчинилась Маргиана, а затем Хорезм. Овладев этими территориями, Кир вступил в непосредственное соприкосновение с кочевыми племенами Восточного Прикаспия. Однако предпринятый против них в 530 г. до н.э. Великий поход окончился полным поражением и гибелью самого Кира². Важнейшие же оседло-земледельческие регионы Центральной Азии остались в составе Персидского государства.

После смерти Кира, в царствование его сына Камбиса (530—522 гг.), основное внимание было уделено завоеванию Египта. Младший же сын Кира Бардия был назначен правителем Бак-

¹ История Востока : в 6 т. (7 кн.) / под ред. Р. Б. Рыбакова. М. : Восточная литература РАН, 2002—2008. Т. 1 : Восток в древности. М., 2002. С. 118.

² Геродот. История, I, 205—214.

трии, Хорезма, Парфии и Кармании³. Это позволяет говорить о том, что во времена ахеменидского владычества области с земледельческим населением были политически объединены.

Несмотря на то что о социально-экономическом положении населения в этих областях в годы правления Камбиса письменные источники ничего не сообщают, известно, что конец этого царствования ознаменовался кризисом, потрясшим до основания всю Ахеменидскую империю. За происходившей в это время династической борьбой можно увидеть глубокие внутренние причины, связанные со стремлением государств и народов, вошедших в состав персидского (иранского) государства, вернуть себе прежнюю независимость. При этом даже в среде персидских и индийских племен, занимавших в Ахеменидской империи привилегированное положение, шли процессы имущественной дифференциации, связанные с возвышением знати и усиливающимся порабощением рядовых общинников. Эти же процессы дошли и до среднеазиатских владений Ахеменидов. Рост привилегий у рабовладельческой аристократии привел к широкомасштабным волнениям среди рядовых общинников. Так, в Маргиане произошло восстание под предводительством Фрада (523—522 гг. до н.э.). В Мидии был поднят мятеж Фравартишем, выдававшим себя за царя из рода Киаксара. К этому движению примкнули Парфия и Гиркания, объединенные в те годы в одну сатрапию. В Маргиане после подавления восстания насчитывалось 55 243 убитых и 6 972 пленных, что указывает на то, что выступление было действительно народным⁴.

В сентябре 522 г. до н.э. во главе империи Ахеменидов встал Дарий I (522—486 гг. до н.э.), немедленно приступивший к подавлению волнений и различных смут среди покоренного населения. И хотя к концу 521 г. до н.э. власть Ахеменидов была полностью восстановлена, правительство провело ряд политических, ад-

министративных, налоговых реформ, которые закончились не только увеличением контингента войск, но и облегчением положения рядовых общинников. В Бехистунской надписи Дарий прямо говорит об этом: «Я вернул народу пастбища, имущество, жилища... Я восстановил страну в прежнем виде, и Персию, и Мидию, и другие страны»⁵.

Другим крупным событием в эпоху правления Дария I стал поход против кочевников Центральной Азии, сохранивших после неудачной попытки Кира независимость. В результате военных действий в 517 г. до н.э. Дарию удалось распространить свое влияние и на значительную часть центральноазиатских кочевых племен⁶.

Несмотря на то что имеющиеся историко-правовые и археологические источники не позволяют подробно описать *особенности государственного устройства империи Ахеменидов*, следует отметить непреложную истину: в древности огромная империя не могла быть централизованным государством в современном понимании вследствие низкого уровня ее коммуникаций. Стабильность как древних, так и средневековых империй предполагала существование самоуправляющихся и, следовательно, потенциально автономных округов.

Известно, что при Дарии I все Персидское государство, будучи абсолютной монархией, было поделено на административно-податные округа — сатрапии. При этом границы сатрапий, как правило, совпадали со старыми этническими границами государственных образований, вошедших в состав империи. Следовательно, сатрапии в большинстве своем не были искусственными объединениями, а в целом отражали реально сложившееся культурно-историческое единство центральноазиатских социумов. Стремясь интегрировать в свою административную систему уже сложившиеся локальные политические структуры, персы предоставили сатрапиям широкие права, а в случае проявления лояльности и право наследования власти⁷.

³ Пьянков И. В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия (текст, пер., примеч.). Душанбе, 1975. С. 92.

⁴ Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I // Вестник древней истории. 1949. № 2. См. подробнее: История таджикского народа. Т. 1 : С древнейших времен до V в. н.э. / под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М., 1963. С. 236—272.

⁵ Herzfeld H. *Altperische Inschriften*. Berlin, 1938. Ss. 50—54.

⁶ Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. 3. № 3.

⁷ Вергазов Р. Р. «Персидский мир». Механизмы культурной интеграции локальных элит северных и северо-восточных сатрапий Ахеменидов // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 21. С. 117.

Внутри сатрапий существовали автономные, самоуправляющиеся родоплеменные города и сельские поселения. В Бехистунской и других древнеперсидских памятниках письменности упоминаются 23 сатрапии. Подобный список содержится и в труде персифильски настроенного древнегреческого историка Геродота: перечислены 20 сатрапий и около 70 народов. Разногласия между древнеперсидскими надписями и Геродотом в определенной мере объясняются изменением количества сатрапий и их границ вследствие новых завоеваний или же в результате административных реформ — дроблением сатрапий, то есть увеличением их численности за счет уменьшения территории⁸.

Бактрийская, Мидийская, Лидийская, Нововавилонская, Египетская империи, покоренные персами, и союзные царства, например Армения, обрели статус великих сатрапий. Покоренные же царства получили статус основных сатрапий, а их устойчивые внутренние подразделения, например Маргиана в составе Бактрии⁹, стали малыми сатрапиями. Саки и северные каспии вошли в пятнадцатую основную сатрапию; парфяне, хорезмийцы, согдийцы и арейцы — в шестнадцатую основную сатрапию¹⁰. Сатрапии были обязаны платить налоги серебром в эвбейских талантах.

Во времена царствования Кира и Камбиза твердо установленных норм взимания повинностей не было. Часть покоренных народов вместо податей, как правило, преподносила верховной власти подарки. Поскольку подобная практика отрицательно сказывалась на государственных доходах и могла повлечь за собой коррупционные правонарушения, Дарий I осуществил серьезные преобразования и в этой сфере. По его указу все земли империи были тщательно измерены в парсангах (мера в 30 стадий) и классифицированы по роду насаждений и степени урожайности¹¹. На основе измерений и расчетов были составлены кадастры с указанием размеров податей в зависимости от категории земли. Все сатрапии были

обязаны платить строго фиксированные для каждой области подати серебром. Размер податей устанавливался на основе среднего урожая с обрабатываемой земли за несколько лет и степени ее плодородности.

Общая сумма налогов, поступавших из всех сатрапий, по данным Геродота, равнялась 14 560 талантам (более 400 т серебра). Впрочем, налоговое бремя, налагаемое на центральноазиатские сатрапии, не было излишне тяжелым: Парфия, Хорезм, Согд и Ария платили 300 талантов; Бактрийская сатрапия — 360; саки и каспии — 250¹². Таким образом, все восточные регионы ежегодно платили в ахеменидскую казну столько же, сколько одна VI сатрапия (Египет и примыкающие к нему Ливия, Киренаика и Барка). Кроме этих податей в отношении некоторых сатрапий были введены дополнительные налоги для содержания на их территории военных гарнизонов¹³.

Подати, собранные градоначальниками, сельскими старостами, поступали в сокровищницу сатрапа. Часть их оставалась для нужд сатрапии, остальная отчислялась в государственную сокровищницу, отделения которой имелись во всех областях и районах. Содержимое этих государственных сокровищниц расходовалось по распоряжению главного хранителя царской казны. Определенная часть собранных податей отправлялась в центральную царскую сокровищницу в Персеполь.

За сбором податей и выполнением повинностей следил сатрап. Он также обеспечивал в пределах сатрапии контроль над местными чиновниками. Сатрап обладал правом чеканить серебряную и медную монету, имел небольшой отряд воинов для поддержания правопорядка. Все эти меры вносили мир и благосостояние в провинции.

Если в годы правления Кира или Камбиса сатрапами могли стать представители местных именитых династий, то в результате реформ Дария руководящие позиции в сатрапиях сосредоточились в среде центральных элит и на

⁸ Дандамаев М. А. Мидия и Ахеменидская Персия // История Древнего мира. Расцвет древних обществ. М.: Знание, 1983. С. 148.

⁹ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен в Передней Азии. М., 2007. С. 196.

¹⁰ Геродот, III, 92—93.

Здесь следует отметить, что в списке Геродота многое вызывает сомнение. Так, например, Согд, скорее всего, входил в одну сатрапию с Бактрией.

¹¹ Геродот, VI, 42.

¹² Robin Waterfield i Carolyn Dewald: «Herodot — Povijesti» (Herodotus — The histories). 1998. S. 593.

¹³ Дьяконов И. М. История Мидии. М. — Л., 1956. С. 344.

пост наместников стали значительно чаще назначать персов. Однако влияние местной аристократии было все же сохранено. Она взяла на себя функции представителей ахеменидской власти в более мелких административно-территориальных единицах: округах, городах, вплоть до деревень, гарантируя надежный стратегический тыл. Наместники округов носили титул «*фратарак*». Города и деревни имели своих начальников — *лекид*, подчинявшихся фратараку. Для усиления централизации и борьбы с сепаратистскими тенденциями в сатрапиях Дарий I создал систему надзора за управителями всех уровней¹⁴.

Аппарат управления сатрапии, повторяя, хотя и в меньших масштабах, структуру и содержание центральных органов государственной власти, включал сатрапа, его двух помощников, начальника сатрапской сокровищницы, придворный совет, состоявший из командированных чиновников из центра, канцелярию, где трудились писцы, переводчики, счетоводы, кладовщики и другие чиновники. Поскольку сатрап, наряду с административными функциями, выполнял обязанности главного судьи, он имел в своем штате судей и делопроизводителей. Военные полномочия сатрапа, в отличие от иных прав и обязанностей, не были постоянными. До правления Дария I сатрап одновременно являлся военачальником, отвечал за внутренний порядок и внешнюю безопасность в провинции. Однако в целях сдерживания роста могущества сатрапов и пресечения всевозможных сепаратистских настроений с их стороны Дарий лишил наместников военной власти, оставив в их ведении исключительно гражданские и хозяйственные вопросы. Отныне войска сатрапий подчинялись военачальнику, который назначался только царем и подчинялся только ему¹⁵.

Сразу после назначения к сатрапу приставляли двух чиновников, обязанных следить и докладывать обо всем происходящем в сатрапии. Кроме этого раз в год из центра в сатрапию направлялись царские ревизоры с отрядом воинов. Обо всех недостатках и злоупотреблениях,

обнаруженных в сатрапиях, они тайно докладывали царю. При необходимости из центра мог быть направлен специальный ревизор для проверки деятельности провинившегося сатрапа или других местных чиновников¹⁶.

Независимостью положения обладал также назначенный сатрапу секретарь, осуществлявший связь между центральным правительством и местной канцелярией. Верховный же контроль над всем государством и всеми чиновниками был доверен *хазарпату* («тысяченачальнику»), одновременно выполнявшему функции начальника личной охраны (гвардии) царя.

В целом хорошо отлаженная и организованная система государственного надзора действовала надежно и эффективно, что наряду с другими политическими и военными мерами обеспечивало целостность Ахеменидской империи¹⁷.

Дарием I были произведены значительные преобразования в *судебно-правовой системе*. Об этом свидетельствует закон, упомянутый в надписях этого царя в Бехистуне, Персеполе, Сузах, Накши Рустаме. Известная науке под знаком NR 6 накширустамская надпись гласит: «В этой стране с теми, кто мирно вел себя по отношению к другим, я обращался хорошо. Лгунов я сильно наказывал. С помощью Ахура Мазды эти страны следовали моим законам и выполняли все мои приказы»¹⁸.

В послании, высеченном на Бехистунской скале, Дарий сообщает: «Ахура-Мазда потому помогал мне, что я не был вероломным, лжецом или злодеем, ни я, ни род мой. Согласно справедливости поступал я. Я не делал зла ни слабому, ни сильному... Страны эти, которые стали мятежными, ложь сделала их мятежными. Ты, который будешь царем впоследствии, берегись крепко от лжи». В другом месте онставлял своих сторонников и последователей верить и не отступать от его законов. В надписи из Суз Дарий призывал к справедливости, считая неукоснительное следование его законам — основополагающей обязанностью всех подданных, а также требовал поступать так,

¹⁴ Арриан. Анабасис, III, 22 ; Гусаков В. В. Сако-массагеты, их соседи и современники в среднеазиатской политике державы Ахеменидов // Вестник Владикавказского научного центра. 2010. Т. 10. № 1. С. 15.

¹⁵ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М, 1980. С. 108—127.

¹⁶ Ксенофонт. Анабасис. М. — Л., 1951. С. 87—90.

¹⁷ Джавади Г. История государственного управления в Иране и Средней Азии в древности : дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2004. С. 42.

¹⁸ Джавади Г. Указ. соч. С. 51.

чтобы сильные не обделяли слабых¹⁹. Здесь следует отметить, что после возведения религии Ахура-Мазды на вершину государственной идеологии Ахеменидов это этическое учение перекинулось далеко за пределы иранских этнических границ. Оно добавило в историю юридической мысли идею противоборства добра и зла²⁰. Основа этого учения — Закон Аша, благодаря законотворческой деятельности правителей Персии смог на долгие годы упорядочить повседневную жизнь каждого подданного, соразмерить личные интересы с общественными, заставить держать себя и других в рамках не только государственного, но и божественного контроля.

При Дарии I велась интенсивная работа по кодификации законов покоренных народов, правовых обычаев, религиозно-правовых норм, по приведению их в соответствие с общеимперским законодательством²¹. Кодифицируя право, Ахемениды широко использовали законы Вавилона, в том числе законы Хаммурапи. При этом вавилонское частное право в эпоху персидского владычества существенно не изменилось. Иранскому же влиянию подверглись многие официальные правовые институты, включая введение в язык права и юридическую технику многих иранских терминов, в том числе светского выражения: «согласно Закону (*дана*) царя». В центральноазиатских сатрапиях благодаря деятельности многочисленных переводчиков общественные отношения регулировались как местными законами, приведенными в соответствие с общегосударственными, так и общеимперскими нормами²².

В системе ахеменидского судопроизводства наивысшую ступень занимал сам царь, то есть им осуществлялись полномочия верховного судьи и принимались окончательные решения по наиболее тяжким преступлениям. По свидетельству Геродота, Дарий сам разбирал тяжбы, а иногда своим повелением назначал судью²³. При царе существовала высшая судебная коллегия, состоявшая из пяти — семи

высших чиновников. Иногда состав судебной коллегии был смешанным, и в него входили как царские судьи, так и старейшины из числа полноправных граждан. Смешанная судебная коллегия после царя занимала наиболее высокое положение в судебной иерархии. Коллегия рассматривала дела и предоставляла материалы царю для принятия им окончательного решения. Однако по тем судебным спорам, что касались внешней политики и национальной безопасности, решения царь принимал единолично.

Вторую ступень в судебной иерархии после царя занимал назначаемый царем главный судья (*данабар*), принимавший решения в пределах своих полномочий.

Осуществление правосудия в сатрапиях входило в компетенцию сатрапов. Под их непосредственным руководством работали судьи-делопроизводители. В случае если истцы были жителями разных районов, в судебном разбирательстве участвовали назначенные сатрапами судьи из обоих регионов. Для разбирательства мелких правонарушений действовали общественные суды.

Смертная казнь, как правило, применялась за преступления, совершенные против царя и членов его семьи, за измену царю, государству, за другие особо тяжкие преступления. К смертной казни могли приговорить за многократные преступления, но только если вина подсудимого превышала его заслуги²⁴. По другим, менее тяжким преступлениям виновный мог лишиться руки, ноги, зрения, мог быть наказан кнутом, штрафом, ссылкой и т.д.

Взяточничество среди судей сурово каралось. Геродот сообщает, что Камбиз повелел с судьи, уличенного во взяточничестве, содрать кожу, выделать ее и обтянуть ею судейское кресло. Затем Камбиз назначил судьей сына казненного, приказав ему выносить решения, сидя на этом кресле²⁵.

Наряду с кодифицированными законами в судопроизводстве применялись клятвы (*вара*)

¹⁹ Бехистунская надпись Дария I. 4 столб. 36—40 ; 60—69 ; 69—72 / пер. М. А. Дандамаева // Рак И. В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб., М., 1998.

²⁰ Шишов А. Таджики. Этнографическое исследование. Алматы, 2006. С. 46.

²¹ Талезари А. А. Становление и развитие институтов преступления и наказания в истории права Ирана : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2015. С. 11.

²² Джавади Г. Указ. соч. С. 51.

²³ Геродот, V, 12.

²⁴ Геродот, I, 137.

²⁵ Геродот, V, 25.

и религиозные правовые нормы. На это указывает надпись Дария, где он сообщает: «Если кто-то оклеветает другого, то меня удовлетворит, если он произнесет клятву (о своей невиновности)»²⁶. Для определения невиновности применяли испытания иными средствами — огнем, водой, ядом и т.д. Эти правовые нормы возникли в глубокой древности, имели религиозную окраску и выполнялись в присутствии священника.

Купля-продажа домов, земельных владений нередко производилась в присутствии храмовых служителей (*мубадов*). Документы о купле-продаже оформлялись в присутствии судей конкретных административных округов государства. Контракты составлялись в присутствии 3—9 свидетелей профессиональными писцами по определенным формулярам в двух экземплярах, которые вручались каждой из сторон. В документе подчеркивалась добровольность сделки, обязанность соблюдать все условия, указанные в контракте. Нарушителя ждал штраф или иное наказание. К документам прилагались печати свидетелей и контрагентов или отпечатки их ногтей.

Законодательство в исследуемый период охватывало и *семейные отношения*. Семья в государстве Ахеменидов была моногамной, так как муж не имел права брать официально вторую жену. При заключении брачного договора между супругами оговаривались уплата штрафа в 200 сиклей серебра и оставление всех подарков в случае, если у супруга появится другая жена и другие дети. Эти требования распространялись и на жену. Жених должен был уплатить отцу невесты выкуп от 5 до 10 сиклей серебра, одно шерстяное и несколько полотняных платьев, зеркало, посуду и др. В случае смерти одного из супругов другой наследовал ему²⁷.

Наличие правовой системы и товарных отношений свидетельствует о развитости в сатрапиях Центральной Азии в VI—IV вв. до н.э. *рабовладельческого общества*, верхушку которого составляла аристократия, не утратившая своего влияния и богатств в связи с ахеменидским завоеванием. Однако рабство, скорее всего, не было основой экономического благосостояния сатрапий.

Другой полюс среднеазиатского общества, его основной массив составляли общинники — представители как крупных поселений городского типа, так и мелких сельских. Это были основные участники ахеменидских военных формирований. Об имущественном расслоении среди общинников свидетельствует наличие среди воинского контингента конников и пехотинцев. Поскольку содержание коня и вооружение конного воина, носившего панцирь, было значительно дороже вооружения пешего воина, можно предположить, что богатые общинники были всадниками, в то время как их менее состоятельные соплеменники составляли пехоту.

Несмотря на то что области и народы, включенные в состав Ахеменидского государства, должны были не только поставлять воинов в персидскую армию, но и уплачивать денежные поборы, благосостояние населения регионов Центральной Азии, занятого преимущественно скотоводством и земледелием, достигло для своего времени высокого уровня²⁸. Кроме того, вхождение этих территорий в состав обширного государства способствовало усилению межкультурных связей с наиболее развитыми странами Переднего Востока, способствовало усилению торговли, развитию товарного обращения. Все эти обстоятельства следует иметь в виду при рассмотрении хозяйства оседлых и кочевых областей Центральной Азии в ахеменидский период.

Анализ различных источников свидетельствует, что поля орошались водой, подававшейся развитой системой каналов, остатки которых сохранились в Хорезме и Маргиане. Здесь строились крупные плотины, создавалась сложная система ирригации, восхищавшая многих²⁹. В Маргиане, помимо ранее существовавших оазисов, стал осваиваться район к северо-востоку от современного Байрам-Али, где возникло новое крупное поселение (возле Эрк-Калы), со временем ставшее столицей Маргианы.

В подгорной полосе получила развитие система подземных каналов — кяризов. Поскольку строительство подземных гидротехнических сооружений было связано с большими материальными затратами, лица, проводившие кяризы,

²⁶ Джавади Г. Указ. соч. С. 53.

²⁷ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Указ. соч. С. 127—140.

²⁸ История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 1. Кн. 1 : С древнейших времен до конца XVIII века. С. 65—66.

²⁹ Массон М. Е. О работах Южно-Туркменистанской археологической экспедиции : тезисы докладов на Сессии Отделения исторических наук и Пленума ИИМК АН СССР. М., 1954. С. 42.

освобождались на значительный срок от уплаты податей³⁰.

Крупные поселения, бывшие ранее лишь центрами сельскохозяйственных районов, в период ахеменидского правления стали местами сосредоточения ремесленного производства и приобрели черты поселений городского типа. Так, в Бехистунской надписи, а также греческими авторами упоминаются два города (полиса) в Парфии — Патиграбана и Вишпаузатиш с крупными цитаделями, расположенными на высоких платформах. Подобные факты подтверждаются археологическими исследованиями Гяур-калы³¹ в Маргиане, хорезмийской крепости Кюзели-Гыр³². Несмотря на то что для более полного понимания характера древних городов не хватает письменных свидетельств, археологические материалы подтверждают здесь наличие зданий дворцового типа — резиденций правителей, храмов — идеологических центров, торговых площадей — производственных центров и центров обмена³³.

Археологические находки свидетельствуют, что в период ахеменидского владычества развитие торговли и товарного производства приводит к *зарождению денежных отношений*. Конечно, 300 талантов, поступавших от шестнадцатой сатрапии, включавшей Парфию и Хорезм, представляли собой скорее денежное исчисление натуральных поставок. Однако какую-то их часть все же составляли серебряные и золотые монеты. Так, например, о взимании денег за открытие гидротехнических сооружений сообщает в своих трудах Геродот³⁴. В Бактрии в связи с развитием товарного производства и товарных отношений в V—IV вв. до н.э. чеканилась собственная монета³⁵.

Иным был *общественный строй многочисленных кочевых племен*, в среде которых господствовали патриархальные отношения. Во времена ахеменидского владычества кочевые племена, выступая в качестве политической «периферии» Ахеменидской империи, были связаны с ней, скорее всего, обязательствами оказания военной помощи.

О пережитках матриархата у кочевников свидетельствовало высокое положение женщины, равенство которой с мужчиной подчеркивали известные древние авторы. Так, в II в. до н.э. Чжан Цянь писал: «Мужья в своих решениях руководствуются советами своих жен»³⁶. Однако И. В. Пьянков особое положение женщин у центральноазиатских скифов связывал не с матриархальными реминисценциями, а с особенностями кочевого быта³⁷.

Как и у общинников оседлых областей, в среде кочевых племен шел процесс имущественной дифференциации и выделения богатой племенной знати. Однако в условиях кочевой внесословной культуры и быта у них сохранилась племенная собственность на землю, и прежде всего на зимние и летние пастбища.

Во главе племен и племенных союзов стояли вожди, власть которых имела авторитарный и сакральный характер. Таких вождей древнегреческие авторы обычно называли «царями». Среди них были и «женщины-государи»³⁸ (Томирис у массагетов, Зарина у саков). После смерти вождя над его погребением воздвигали курганы. Нет сомнений в том, что именно такой курган имел в виду Ктесий, когда описывал «пирамиду», воздвигнутую царице Зарине³⁹.

Несмотря на патриархальность кочевых племен, формы их контактов с жителями оседло-

³⁰ Полибий, X, 28.

³¹ Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-кала в старом Мерве : материалы ЮТАКЭ. Вып. I. Ашхабад, 1949.

³² Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. Б. м., 1958. С. 194.

³³ Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / отв. ред. Г. А. Кошеленко. М. : Наука, 1985. С. 349.

³⁴ Геродот, III, 89.

³⁵ Curiel R., Schlumberger D. Tresors monetaires d'Afghanistan. Memoires de la Delegation archeologique francaise en Afghanistan. Paris, 1953. T. 14. Pp. 31—45.

³⁶ Цит. по: Пьянков И. В. Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана (тезисы докладов). Л. : Изд-во АН СССР, 1975. С. 91.

³⁷ Пьянков И. В. Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов. С. 91.

³⁸ См.: Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 164.

³⁹ Ктесий в изложении Диодора, II, 35.

земледельческих оазисов Центральной Азии были многообразными и тесными. Во-первых, часть кочевых племен имела этническую и культурную близость с оседло-земледельческими обществами. Во-вторых, важную роль играли экономические связи этих двух цивилизационных миров, вызванные потребностью кочевников в продукции высокоразвитого ремесла оседлых районов и, соответственно, потребностью жителей оазисов в продукции животноводства. Доказательством этого служит факт расцвета в ахеменидский период в Маргиане и Хорезме специальных поселений, занятых главным образом ремесленным производством для удовлетворения нужд кочевников.

Оценивая значение включения Парфии, Маргианы, Хорезма и других областей Центральной Азии в состав Ахеменидского государства в VI—IV вв. до н.э., отметим, что, с одной стороны, это завоевание нарушило естественный ход исторического развития и поставило народы этих областей в зависимость от персидского государственного аппарата и местной аристократии. С другой стороны, вхождение Центральной Азии в состав обширного государства усилило связи с наиболее развитыми странами Переднего Востока, способствовало усилению торговли, развитию товарного производства. Да и сами правящие круги были заинтересованы в большом и сильном государстве с безопасными дорогами, развитым внутренним и внешним рынком.

Переход на сторону завоевателей верхушки местной аристократии привел к усилению сословных противоречий, а потому восстание в Маргиане и Бактрии против иноземного господства стало формой выражения не столько освободительной, сколько сословной или династической борьбы.

Несмотря на то что впервые в мировой истории Ахемениды включили в состав одного государства более 20 стран и 70 народов, политический режим древнеперсидских правителей был, скорее всего, щадящим и не имел ничего общего с оккупационным порядком, основанным на жестокой эксплуатации покоренных народов. К концу правления ахеменидской династии отношения между Персией и сатрапиями Центральной Азии больше напоминали политический симбиоз между неравнозначными (ассоциированными) государствами, когда меньшее по населению и территории государство, формально сохраняя суверенитет и независимость, доверяет значимую часть своих властных полномочий большему государству.

Вместе с тем постоянная борьба за престол, всевозрастающие сепаратистские устремления центральноазиатских сатрапий, объединение местного населения с кочевыми племенами массагетов привели в IV в. до н.э. к восстанию за независимость Хорезма. Обладавшие высокой культурой и развитым хозяйством среднеазиатские земледельческие области к концу правления Ахеменидов стали самостоятельными. Этот процесс роста политической независимости получил свое завершение в середине III в. до н.э. созданием самостоятельного Парфянского государства. Однако персидская форма государственной организации надолго пережила своих создателей. Ее элементы, как и правовая система в целом, внесли существенный вклад в создание правовой культуры многих народов и были использованы геополитическими наследниками «ахеменидского мира» — Александром Македонским, Селевкидами, Аршакидами и Сасанидами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вергазов Р. Р. «Персидский мир». Механизмы культурной интеграции локальных элит северных и северо-восточных сатрапий Ахеменидов // Труды Института востоковедения РАН. — 2019. — № 21. — С. 111—126.
2. Джавади Г. История государственного управления в Иране и Средней Азии в древности : дис. ... канд. ист. наук. — Душанбе, 2004. — 242 с.
3. История Туркменской ССР. — Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1957. — Т. 1. Кн. 1 : С древнейших времен до конца XVIII века. — 545 с.
4. Гусаков В. В. Сако-массагеты, их соседи и современники в среднеазиатской политике державы Ахеменидов // Вестник Владикавказского научного центра. — 2010. — Т. 10. — № 1. — С. 11—16.
5. Кучма В. В. Государство и право Древнего мира и Средних веков : в 2 ч. — Волгоград : Изд-во Волгоградского ГУ, 2001. — 548 с.

6. На пути открытия цивилизации : сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции / ред. П. М. Кожин, М. Ф. Косарев, Н. А. Дубов. — СПб. : Алетейя, 2010. — 704 с.
7. Талезари А. А. Становление и развитие институтов преступления и наказания в истории права Ирана : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Душанбе, 2015. — 25 с.

Материал поступил в редакцию 26 ноября 2019 г.

REFERENCES

1. Vergazov RR. «Persidskiy mir». Mekhanizmy kulturnoy integratsii lokalnykh elit severnykh i severo-vostochnykh satrapiy Akhemenidov [“The Persian World. ” Mechanisms of cultural integration of local elites of northern and northeast Achaemenids]. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. 2019;21:111—126. (In Russ.)
2. Dzhavadi G. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Irane i Sredney Azii v drevnosti : dis. ... kand. ist. nauk [History of public administration in Iran and Central Asia in antiquity: Cand. Sci. Thesis]. Dushanbe; 2004. (In Russ.)
3. Istoriya Turkmenskoy SSR [History of the Turkmen SSR]. Vol. 1. Book 1: From ancient times to the end of the XVIII century. Ashgabat: Publishing House of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR; 1957. (In Russ.)
4. Gusakov VV. Sako-massagety, ikh sosedi i sovremenniki v sredneaziatskoy politike derzhavy Akhemenidov [Sako-massagets, their neighbors and contemporaries in the Central Asian policy of the Achaemenid powers]. *Bulletin of Vladikavkazsky Scientific Center*. 2010;l(10):11— 16. (In Russ.)
5. Kuchma VV. Gosudarstvo i pravo Drevnego mira i Srednikh vekov : v 2 ch. [The State and Law of Ancient World and Middle Ages: in 2 parts]. Volgograd: Publishing House of Volgograd GU; 2001. (In Russ.)
6. Kozhin PM, Kosarev MF, Dubov NA, editors. Na puti otkrytiya tsivilizatsii : sbornik statey k 80-letiyu V. I. Sarianidi. Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [On the Way of Discovery of Civilization: Collection of Articles devoted to the 80th Anniversary of V.I. Sarianidi]. *Proceedings of the Margian Archaeological Expedition*. St. Petersburg: Aleteya; 2010. (In Russ.)
7. Talezari AA. Stanovlenie i razvitie institutov prestupleniya i nakazaniya v istorii prava Irana : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk Formation and development of institutes of crime and punishment in the history of the law of Iran: Author’s Abstract of the Cand. Sci. (Law) Thesis. Dushanbe; 2015. (In Russ.)